

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В «Сквонке» было все, чтобы ему не понравиться. Кабак со стриптизом, а значит, под наблюдением полиции, был расположен в третьем уровне ветхого здания Десятого округа. Лестничные ступеньки, стены, пол, потолок — все там было черное. Стоило шефу первого подразделения бригады уголовного розыска Стефану Корсо спуститься, уши у него тут же заложило от глухого рокота. Как в метро, подумал он... А вот и нет: всего лишь звуковой эффект в духе Дэвида Линча, чтобы окончательно произвести на вас гнетущее впечатление.

Миновав коридор с фотографиями красоток пятидесятых годов в обрамлении узких полосок светодиодных ламп, вы попадали в бар. Традиционные ряды бутылок позади стойки были заменены черно-белыми картинками с изображением заброшенных промышленных зон и обветшалых гостиниц. *No comments.*

Корсо последовал за другими зрителями и, свернув вправо, оказался в наклонном, как в кинотеатре, зале с красными креслами. Он устроился в углу — вуайерист среди других таких же — и дождался, когда погаснет свет. Он пришел, чтобы прощупать почву, и в этом смысле его все устраивало.

Судя по программке (это был прямоугольник черного пластика с белым текстом — вроде рентгеновского снимка), прошло две трети шоу. И Корсо в который раз

задумался, как могло случиться, что вернулась мода на бездарные зрелища подобного рода. Правда, теперь их на американский манер стали называть «новый бурлеск». Он уже терпеливо выдержал Мисс Бархат — со стрижкой каре под Луизу Брукс, и покрытую татуировками брюнетку Кэнди Мун и ее танец с семьей покрывалами, и Цыганку Розу, способную, делая мостик, снять обувь. Ожидались Мамзель Нитуш и Лова Долл...¹ Подобные шоу никогда не привлекали Корсо, а внешность и ужимки дамочек, жирноватых, кривляющихся и чересчур накрашенных, не вызывали у него интереса: его заводило совсем другое.

По ассоциации он вспомнил об Эмилии и о первых документах по разводу с претензиями сторон, которые днем прислал ее адвокат. Именно они и были подлинной причиной его дурного настроения. С юридической точки зрения эти претензии знаменовали не окончание процедуры, а, напротив, начало военных действий. Поток лжи и оскорблений, продиктованных самой Эмилией, на которые ему предстоит ответить столь же злобно и резко.

Ставкой в этой битве был их ребенок, Тедди, которому вот-вот должно исполниться десять и основным опекуном которого Стефан надеялся стать. Корсо боролся не столько за то, чтобы сохранить при себе сына, сколько за то, чтобы отдалить мальчика от матери. С его точки зрения, она воплощала собой абсолютное зло: крупная чиновница, болгарка по происхождению, любительница жестокого садомазо. От этих мыслей горло захлестнула жгучая струя кислоты, и он подумал, что все это очень скоро закончится язвой, раком печени или — а почему бы и нет? — предумышленным убийством.

Появилась Мамзель Нитуш. Корсо сосредоточился. Блондинка с молочно-белой кожей и широченными бед-

¹ От *англ.* love doll — надувная кукла. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

рами. На ней не было ничего, кроме боа из перьев, двух серебрястых звезд на сосках и черных стрингов, которые туго охватывали ее непомерные прелести. Вдруг артистка изогнулась и наклонилась, чтобы пошарить у себя в заднице, откуда она, потявкивая, как собачонка, извлекла рождественскую гирлянду. Корсо глазам своим не верил. Под восторженные аплодисменты зрителей стриптизерша, словно гигантская юла, принялась вертеться вокруг своей оси, сохраняя равновесие на двенадцатисантиметровых каблуках и подбрасывая в воздух шелковую ленту.

В конце концов Корсо вспомнил, почему он так поздно торчит в этом сомнительном заведении. Двенадцать дней тому назад, в пятницу, 17 июня 2016 года, на улице Потерн-де-Пеплие, рядом с площадью Италии, за мусорными контейнерами было обнаружено тело артистки из «Сквонка» Софи Серей, она же Нина Вис, тридцати двух лет. Обнаженная и связанная собственным нижним бельем, молодая женщина была чудовищно изуродована: убийца прорезал углы ее губ до самых ушей и воткнул камень ей прямо в горло, чтобы рот оставался открытым, придав таким образом лицу выражение ужасающего крика.

Расследование поручили майору Патрику Борнеку, шефу третьего подразделения следственной бригады. Сыщик, хорошо знающий свое дело, применил стандартный метод: фотофиксацию и взятие образцов на месте преступления, обход соседних домов, просмотр записей видеонаблюдения, допрос родных и близких, поиск свидетелей и так далее.

В первую очередь полиция заинтересовалась гостями «Сквонка». Борнек полагал, что ему удастся собрать обширные сведения от сексуально озабоченных завсегда-таев и конченных извращенцев, посещающих заведение. Но он ошибся в своих расчетах: здешнюю клиентуру

составляли молодые хипстеры, подсевшие на кокаин финансисты и интеллектуалы — приверженцы второго состояния сознания, которые полагали, что присутствовать на таких замшелых представлениях круто. Впрочем, проверка рецидивистов и прочих насильников, как недавно освободившихся, так и состоящих на учете, тоже ничего не дала. Группа Борнека заодно проверила приверженцев БДСМ и бондажа — то, что убийца связал жертву ее собственным нижним бельем, наводило на мысль о садомазохистских практиках. Тщетно.

Были тщательно просеяны все компьютеризированные уголовные картотеки, начиная от базы данных о предыдущих судимостях до программы SALVAC¹, чтобы в итоге снова получить полный ноль. А также внимательно изучены те несколько исковых заявлений, в которых упоминалось нижнее белье. И тут тоже поживиться оказалось нечем, если только не собираешься открыть магазин женского нижнего белья.

Опрос жителей расположенных рядом со свалкой домов, а также соседей жертвы, проживавшей по адресу: Иври-сюр-Сен, улица Марсо, не принес никаких результатов. Софи Серей вернулась домой 16 июня в час ночи на «Uber». Водитель высадил ее возле подъезда, и больше девушку не видели. На следующий день у нее был выходной, так что в «Сквонке» никто не встревожился. Что же касается находки на улице Потерн-де-Пеплие, то труп обнаружили ремонтники-поляки, пришедшие выбросить строительный мусор. До этого ни страдающие бессонницей, ни камеры наблюдения не заметили ничего подозрительного.

¹ SALVAC (Système d'analyse des liens de la violence associée aux crimes) — компьютерная система, разработанная Королевской жандармерией Канады в 1990-х гг. специально для следователей, специализирующихся в составлении психологического профиля преступника с целью выявления серийных преступлений и их авторов на основе связей, существующих между деяниями, совершенными одним и тем же правонарушителем.

Следствие составило портрет жертвы, покопалось в ее прошлом.

Софи считала себя актрисой и, закончив работу в клубе, бегала в поисках любой театральной халтуры.

Горстка друзей, отсутствие бойфренда, никакой родни. В роддоме мать сразу отказалась от нее, так что никто, даже полицейские, не мог знать, кто были ее биологические родители. А росла она в приютах и приемных семьях на западе Франции. Получив диплом специалиста высшей квалификации в области менеджмента в Гренобле, в 2008 году Софи приехала в Париж, чтобы посвятить себя тому, что по-настоящему любила: танцу и стриптизу.

Не многого удалось добиться и от ее работодателей. «Артистка балета», согласно идентификационному коду раздела зрелищ Центра профессиональной занятости, стриптизерша работала в «Сквонке» всего три дня в неделю, а остальное время делала что придется. Подрабатывала в захолустных заведениях, частным образом выступала на мальчишниках и давала уроки раздевания на девичниках. Как будто перед свадьбой у молодняка на уме только стриптиз...

Охочий до банальных штампов Борнек предположил, что стриптизерша, чтобы свести концы с концами, спала с поклонниками своего дарования. Он ошибался. Сыщики не обнаружили и намека на это. Софи предпочитала спортивные и духовные занятия: хатха-йогу, медитации, марафон, горный велосипед... Что не мешало ей ежемесячно пересекаться с сотнями мужчин во время своих шоу или на велосипедных дорожках. Вот вам еще сотни анонимных подозреваемых.

Через неделю Корсо ощутил, что дело вот-вот свалит на него. Случается, что при отсутствии результата полицейские меняют команду, возможно, просто для того, чтобы создать ощущение, что работа продвигается. Тем

более что в средствах массовой информации стремительно рос интерес к этой истории. Ведь в ней были налицо все составляющие роскошного сюжета из старого раздела «Происшествия» — порнуха, кровища, тайна...

Короче говоря, возглавляющая следственную бригаду Катрин Бомпар получила от прокуратуры добро на продление предварительного следствия — периода до возбуждения уголовного дела прокурором и заключения подозреваемого под стражу. А затем вызвала Корсо к себе в кабинет. Стефан попытался отказаться. Но Бомпар быстро привела его в чувство — выбора у него не было: она не только выше его по служебному положению, но также и его «крестная мать» — именно она помогла ему избежать тюрьмы, куда непременно рано или поздно попадала вся та шпана, которую он ловил вот уже почти двадцать лет.

Передача эстафеты была намечена на утро. Корсо на целый день погрузился в досье — оно состояло уже из пяти увесистых папок. А ближе к вечеру он объявил новость членам своей группы, раздал им собственноручно составленный план и приказал разобраться с текущими делами, чтобы уже назавтра приступить к расследованию. «Летучка в девять утра».

В зале опять зажегся свет. Мамзель Нитуш припрятала свои гирлянды; очевидно, и Лова Долл уже выступила. Он все пропустил. Теперь, когда публика поднималась со своих мест, он заметил радостные и довольные лица зрителей. И в который раз — впрочем, это было вполне привычное ощущение — почувствовал ненависть к этим приличным людям.

Дождавшись, когда все покинут зал, сыщик направился к ведущей за кулисы черной двери справа от сцены. Пришла пора нанести визит владельцу заведения, Пьеру Камински.

Корсо давно был знаком с ним — он сам однажды уже арестовал его, в 2009-м, когда еще работал в бригаде противодействия сутенерству, — и припомнил послужной список этого прохвоста.

Пьер Камински родился в 1966 году в окрестностях Шартра и в шестнадцать лет покинул родную ферму. Поначалу он был «панком с собакой»¹, потом жонглером, затем исполнял цирковой трюк по выдыханию огня, а к двадцати двум годам отправился в Штаты. Там он подвизался на офф-бродвейских театральных площадках (по крайней мере, с его слов). А в 1992 году вернулся во Францию, чтобы поблизости от площади Республики открыть ночной клуб «Харизма». Спустя три года он был арестован и осужден за нанесение побоев и ран одной из своих официанток. Условный срок. Банкротство. Исчезновение.

Позже он вновь появился, открыв в районе канала Сен-Мартен ночной клуб «Притворщик», где устраивались групповухи. Его заведение процветало, пока он не попался — на сей раз на сутенерстве. Три года строгого режима. Он отсидел всего два. В 2001-м босс снова восстал из пепла и основал стриптиз-клуб «Шарпей» на улице Понтьё, который просуществовал восемь лет, прежде чем его закрыли за «торговлю людьми». Камински схлопотал новое обвинение, заодно его заподозрили в убийстве одной из танцовщиц, изуродованный труп которой обнаружили на помойке в нескольких кварталах от его заведения. Ему удалось выпутаться из этой истории, обвинения были полностью сняты — свидетели и истцы словно испарились, — и он снова исчез. И пра-

¹ «Панк с собакой» — житель трущоб, тип скитающегося маргинала, появившийся в 1990-х гг.; обычно его сопровождает собака.

вильно сделал, потому что уверенный в его виновности Корсо сумел бы довести дело до конца, как полагаются. А в 2013 году сутенер опять объявился и открыл «Сквонк», где всегда было полно народу.

Корсо оказался в гардеробной, две стены которой были заняты стойками, завешанными костюмами, а третья представляла собой примерку с обрамленными лампочками зеркалами. Здесь царил веселый беспорядок: на столах валялись тюбики помады, тушь и румяна; чемоданы на колесиках, обувь и различные аксессуары были разбросаны по полу, как после сражения.

Большинство «девочек» были еще не одеты. В углу *stage kitten* (вроде сборщицы мячей на теннисном корте, разве что здесь речь шла о бюстгальтерах и трусиках) развешивала на плечики свой урожай. Сидя на табурете, чернокожий чечеточник в розовом костюме прикручивал к своим башмакам металлические пластинки.

— Камински, — произнес Корсо, обращаясь к парню.

Чечеточник окинул его быстрым взглядом. Этот новый сыщик явно не удивил и не напугал его: после убийства Нины легавые шли сюда стройными рядами.

— В конце коридора.

Корсо переступал через надувной гамбургер размером с пуф, головные уборы с перьями, атласные корсеты, таитянские ожерелья... Он ощутил внезапный прилив нежности по отношению к девушкам, которые сами сочиняли свои номера, шили себе костюмы и оттачивали свое хореографическое мастерство. Ему вспомнилось собственное детство, когда он наряжался в Индиану Джонса или изображал Брюса Ли перед зеркалом в дортуаре.

Корсо вошел без стука. Первым, кого он увидел, был техник, который, стоя на стремянке, чинил потолочный светильник. Вторым был Камински. С обнаженным торсом, в спортивных штанах. Уперев кулаки в бока, он сле-

дил за операцией, словно речь шла о сооружении моста через реку Квай¹. Резкие черты худого, словно состоящего из прямых углов лица подчеркивала короткая легионерская стрижка. Квадратными были и его прямые широкие плечи с ярко выраженной мускулатурой. Самый известный в столице торговец сексом был похож на военного парашютиста.

— Глянь-ка, — бросил он, мельком взглянув на Корсо, — какие люди!

Корсо обратил внимание, что Камински был босиком. Кокосовая стружка на полу могла сойти за подобие татами.

— Похоже, ты не удивлен моим появлением.

— В последнее время я навидался здесь сыщиков, так что сыт вами по горло.

Корсо изобразил улыбку:

— Я пришел, чтобы задать тебе пару вопросов.

Вместо того чтобы встревожиться, Камински без предупреждения встал в стойку *дзенкуцу-дачи*, выставив вперед одну ногу, слегка согнутую в колене, а вторую, напряженную, вытянув назад и сжав кулаки.

— Вам мало того, что вы уже брали меня под стражу?

Первой реакцией Борнека было арестовать Камински, памятуя о его прошлых судимостях. Очередная ошибка. Спустя несколько часов, после проверки его алиби, комиссару пришлось освободить сутенера.

Камински крутанулся вокруг себя и послал в сторону стоявшего на стремянке техника *маваши-гери* (удар ногой в повороте), остановив его в нескольких миллиметрах от бедра своего помощника. Похоже, тому было не привыкать, потому что он даже не шелохнулся.

— Вы уже раз десять приходили сюда, — продолжал хозяин заведения. — Вы допрашивали моих танцов-

¹ Намек на фильм «Мост через реку Квай» (1957), режиссер Дэвид Лин.

щиц, вызывали мой персонал, надоедали моим клиентам. И меня, и клуб вот уже неделю поливают дерьмом. Все это вредит бизнесу.

— Ну-ну, рассказывай! После убийства Нины у тебя не протолкнуться. Народ так и прет на запах крови!

В благодарственном жесте Камински воздел руки:

— Наконец-то ты нащупал мотив!

— Поговорим серьезно, как мужчина с женщиной.

Сутенер расхохотался:

— Ого, Корсо, как ты заговорил! Мы с тобой вместе по девкам не ходили. В последний раз, если мне не изменяет память, мы общались, когда в две тысячи девятом ты меня упаковал в тюрягу.

Корсо не отреагировал — обычная хулиганская выходка.

— Мне бы хотелось, чтобы ты описал мне Нину... по-человечески, как друг. Ты ведь был с ней близок, верно?

Камински снова встал в стойку *дзенкуцу-дачи*:

— Соблюдая разумную дистанцию между работодателем и служащей.

Корсо вспомнил про официантку, которой тот снес челюсть, и танцовщицу без лица, обнаруженную на улице Жана Мермоза.

— Ты с ней разве не спал?

— Нина ни с кем не спала.

— Чем же она занималась?

Камински крутанулся и послал *йоко-гери* (боковой удар ногой) точно по направлению колена электрика, по-прежнему сражающегося с проводами.

— Больше всего она любила нагишом бродить по пляжам с белым песком.

Да, Корсо читал в ее досье: Софи Серей была адепткой натурализма. Так что ее личную жизнь и профессию не разделял даже лоскуток стрингов.

— А как насчет наркотиков, алкоголя?

— Я что, неясно выразился? Нина была чиста, как артезианский источник.

— И никаких встреч с клиентами?

Сделав глубокий вдох, сводник встал в стойку *шико-дачи*, лицом к противнику, ноги напряжены, стопы развернуты на сорок пять градусов, ладони уперты в колени — положение борцов сумо. В свои пятьдесят он сохранял олимпийскую форму.

— Не ищи того, чего нет, Корсо. Нина была безупречная девушка с чистым сердцем. Она буквально излучала доброжелательность. Одно ее присутствие в профессии хотя бы немного оправдывало нас всех. Три дня назад мы ее хоронили. Родных-то у Нины не было, так вот, я никогда не видел на кладбище такую толпу. Сколько друзей, коллег, поклонников...

Хотелось бы Корсо тоже присутствовать на этих похоронах — тогда он мог бы сам прощупать почву.

— И вместе с тем профи! — продолжал каратист. — Одна из лучших во Франции. Сама писала себе сценарии, придумывала позы, движения, прорабатывала мельчайшие детали... Твою мать! Я предсказывал ей звездную будущность! Она должна была стать новой Дитой фон Тиз!¹

Камински преувеличивал. В Интернете Корсо увидел всего лишь хорошенькую блондиночку с забавной внешностью актрисы немого кинематографа и простенькой хореографией.

Новая стойка. Двойной шаг, *тобиконде*. *Окури-аши*.

— Шикарная девочка, которой попросту не повезло.

— Может, как раз здесь и не повезло, с тобой?

— Ты зря теряешь время, Корсо. Нет ничего безопаснее и здоровее, чем мое заведение и его публика. Извра-

¹ *Дита фон Тиз* (р. 1972) — американская исполнительница шоу в стиле бурлеска.

ценность — это порок сексуально неудовлетворенных. Именно нравственность создает зло, а не наоборот. Ты ведь и сам в курсе, верно?

Корсо сглотнул, испытывая мерзкое ощущение, что его разоблачили. Он всегда путал карты: аскетичный, как янсенист, он в свои почти сорок одевался как фанат «Нирваны»; будучи хулиганом в душе, он стал полицейским; считая себя христианином, он никогда, ну или почти никогда не переступал порога церкви. Что же касается секса, то он предпочитал только одухотворенных девственниц, но лишь с тем, чтобы осквернить их. Кого он хотел обмануть? Себя самого?

— А твои дружки? Ты ведь сохранил связи со своими сокамерниками, со сторонниками жесткого секса?

Камински провел в сторону стремянки *ура-маваши-гери*, обратный круговой удар стопой, и удар напряженными пальцами ноги — *цумасаки-гери*. Корсо прежде тоже занимался карате и вынужден был признать, что сутенер безусловно владеет техникой. У электрика на стремянке уже начали дрожать колени.

— Ты снова ошибся, *maricon*¹. Убийца, которого ты ищешь, не сидел. И он не носит бейсболку с надписью: «Серийный убийца». Это нормальный мужик, чистый, без всяких там историй.

Корсо был согласен. Внутренняя жестокость, обуревающая преступника и заставляющая его перейти к действию, безусловно, пропорциональна спокойствию, которое он выставляет напоказ.

— Как отреагировали твои девочки?

— А ты-то как думаешь? Нам пришлось открыть кабинет психологической помощи.

Корсо едва удержался от смеха.

— Однако они уже снова принялись за работу, — продолжал владелец заведения. — Из солидарности.

¹ Педераст (*исп.*).

Они считают, это лучшее, что они могут сделать в память о Нине.

— *Show must go on...*¹

Электрик наконец соединил последние провода и поставил на место плафон. Красным светом загорелись глазницы возвышавшегося в углу комнаты скелета, который, должно быть, служил Камински спарринг-партнером.

Хватит здесь торчать. Полицейский стал зрителем убогого представления и только зря потерял время с порочным каратистом. От сводника несло потом и глупостью, но не страхом и уж тем более не наигранным безумием, о котором свидетельствовало бы убийство Нины Вис. На самом деле Корсо был убежден: убийца не принадлежал к кругу «Сквонка». Иначе Борнек установил бы его. Они имели дело с *посторонним* преступником.

Пока техник слезал со стремянки, Камински согнулся, чтобы как полагается исполнить учтивый поклон. Электрик коротко кивнул, подхватил ящик с инструментами и удрал.

— Корсо, всем известно, что ты хороший сыщик, — прошептал сутенер, доставая кусочек кэма, папиросную бумагу и сигареты. — Вместо того чтобы столько времени доставать меня, лучше найди мне изверга, который это сделал.

— Ты приберег для него свой *маваши-геру*?

Камински провел языком по папиросной бумажке и подмигнул сыщику:

— Возможно, я сохранию его для тебя...

Когда-то в молодости у Корсо был черный пояс второго дана, но теперь ему казалось, что к его юности эта

¹ *Show must go on* («Шоу должно продолжаться») — песня британской рок-группы «Queen» из альбома «Innuendo». Песня вошла в сборник группы «Greatest Hits II». На концерте памяти Фредди Меркьюри песню исполнил Элтон Джон.

история отношения не имеет. В бою с Камински он не продержался бы и двух минут. Однако он тут же парировал:

— Всегда к твоим услугам.

Необходимо было попасть в тон.

Камински скрутил косячок, прикурил и исполнил очередной *йоко-гери* в направлении лица сыщика. Корсо, который не видел, когда тот начал движение, ощутил прикосновение края его ступни к своему подбородку.

Он снова сглотнул — на сей раз пересохшим горлом — и попытался улыбнуться:

— Дай-ка курнуть.

З

Корсо жил в трехкомнатной квартире на улице Кассини в доме постройки шестидесятых годов. Арендную плату снизили из-за отвратительного вида: окна смотрели на глухую стену больницы Кошен. Квартира была не бог весть какая, но сыщику нравился этот квартал, который словно бы раскрывался после бульвара Араго и простирался до самого парка Монсури. А при взгляде на авеню Рене Коти, с мастерскими художников и рядами платанов, которые превращали улицу в широкий бульвар, у него теплело на душе.

Сыщик бросил куртку и кобуру на диван и направился к барной стойке, отгораживающей кухонный уголок. Распахнув дверцу холодильника, он увидел там застывшую картинку своей холостяцкой жизни. Просроченные продукты, недоеденные консервы, остатки *take-away*...¹

¹ Готовая еда навынос.

Он взял банку пива и уселся на раздвижной диван, который вместе с письменным столом представлял собой всю его мебель. Он нашел эту берлогу после разрыва с Эмилией и даже не попытался обустроить свое жилище, кроме комнаты, предназначенной для Тедди, — ее он заботливо обставил. В остальном это ощущение непостоянства ему нравилось: оно напоминало Корсо про его положение парии, вечного изгнанника.

Он родился в самом низу социальной пирамиды, так же как Нина Вис, от матери, пожелавшей остаться неизвестной, в детстве скитался по приютам и приемным семьям, а позже, в ранней юности, так и остался бездомным псом, которому не дано ни закрепиться на одном месте, ни приспособиться к нормальной жизни. Его, ворешку, наркомана, асоциального типа, в последний момент спасла Катрин Бомпар, взяв под свое крыло и дав ему возможность преуспеть в единственном, чем он мог гордиться (кроме сына): в карьере сыщика.

Однако, несмотря на его послужной список, отсутствие судимостей и крайнюю непреклонность, сходившую за неподкупность, червоточина таилась в нем самом, в глубине его сердца. Государственный служащий, женатый, исправно платящий налоги, он в начале двухтысячных пытался остепениться, но природа взяла свое. Через несколько лет он оказался разведенным, изгоем среди сыщиков, кочующим по собственной жизни... Цыганом с пустыря.

Нескольких глотков пива хватило, чтобы к горлу подступила тошнота. Он бросился в ванную и выблевал воспоминания о последних часах — алкоголь, косяк и целлюлит стриптизерш. Одно обстоятельство осложняло его работу полицейского: он не выносил темноты. Ни ночных часов, ни ночной фауны. То, что заставляло мещанина мечтать, а интеллектуала предаваться фантазиям, было для него всего лишь потоком глупости

и пороков, воплощенных сворой ленивых кретинов. Совершенно мифической вселенной, миром мелких спекуляций, долгими часами, потраченными на выпивку, ненужную болтовню и секс. Пустой тратой времени.

После полуночи его неудержимо потянуло в сон, ноги ломило, от тошноты сводило кишки. Лучше бы он стал военным, просыпающимся от звука трубы, или учителем физкультуры, чтобы спозаранку ловить на пробежке первые лучи солнца.

Приподняв наконец голову над унитазом, Корсо почувствовал себя лучше. Он сполоснул лицо, почистил зубы и уселся за письменный стол. Спать совсем расхотелось. Компьютер предлагал ему на выбор два абсолютно разных кошмара: папку с материалами расследования Борнека (он сканировал все документы) или первые требования по его делу о разводе. Он в очередной раз предпочел ужасы первого лжи второго.

Начал он с фотографий места обнаружения тела: в мутном свете дождливого дня труп казался очень бледным. И находился в странном положении: руки связаны за спиной, ноги прижаты к животу, как у эмбриона, голова откинута назад с почти невозможным изгибом шеи. Убийца стянул запястья и лодыжки жертвы ее трусиками. А потом задушил ее же собственным лифчиком. Первой реакцией Корсо, скорее абсурдной, было удивление необыкновенной прочности нижнего белья марки «Принцесса Там-Там».

На первый взгляд акт насилия, совершенный зверем, воспользовавшимся тем, что попалось под руку, чтобы обездвижить жертву и убить ее. На самом деле все оказалось гораздо сложнее. Во-первых, женщина не подверглась изнасилованию: не было обнаружено каких-либо повреждений, связанных с половым сношением, и ни малейшего следа спермы. Затем при помощи искусных узлов убийца соединил за спиной жертвы бюст-

гальтер-удавку с трусиками. Все наводило на мысль о том, что после этого он исполосовал ее и что, извиваясь от боли, жертва удавилась сама.

Раны на лице были чудовищные: своим оружием — ножом, резаком, во всяком случае каким-то тончайшим лезвием, — убийца исполосовал ей щеки, разрезав рот до самых ушей. Потом он глубоко в горло засунул камень, чтобы у несчастной не смыкались челюсти. В результате — огромный черный крик, словно на полотне Эдварда Мунка. И как завершение жуткого зрелища еще одна деталь: кровеносные сосуды век и глазных яблок лопнули от перенапряжения — взгляд был равномерно красным.

Внимательно рассматривая эти фотографии, Корсо не испытывал никаких эмоций. Как у большинства сыщиков, его способность негодовать при виде человеческой жестокости с годами ослабла. Он просто размышлял о том, что они имеют дело с первостатейным монстром, способным скрупулезно спланировать преступление, а потом дать волю безудержной жестокости.

Корсо пролистал другие протоколы. Борнек хорошо потрудился, ничего не скажешь. Стефан не видел, что еще можно добавить. Возможно, убийца был знаком с Ниной, а может, нет. Возможно, он встретил девушку двадцать лет назад, а может, только накануне ее смерти... Где-то во времени и в пространстве их пути пересеклись, но не было никакой возможности поймать тот первый убийственный взгляд, появление тени.

Два часа ночи. Сна ни в одном глазу. Корсо принес из холодильника новую банку пива и решил пойти навстречу худшему: щелкнув по клавише, он открыл папку присланных адвокатом документов, и перед ним появился перечень его недостатков, проступков, грехов. Тут было все: алкоголизм, супружеская грубость, торчание на работе, психологическое давление... Единственное, на что Эмилия пока не отважилась — но он полагал,

что в случае необходимости она к этому прибегнет, — обвинение в нескромных прикосновениях к их сыну.

Все это было так грубо, что Стефан не мог поверить своим глазам и надеялся, что судьи не поддадутся обману. Но особенно подлой ему представлялась манера Эмили и ее адвокатессы превращать мельчайшие проявления его характера, включая достоинства, в недостатки. Горит на работе? Не принимает участия в воспитании сына. Делает с сыном уроки, следит, чтобы тот занимался на фортепиано? Домашний тиран, слишком властен и требователен. Стараются проводить с сыном свободное время? Это чтобы отдалить его от матери...

Когда слова на мониторе стали сливаться в сплошные, готовые воспламениться электрические провода, он закрыл документы, едва сдержавшись, чтобы не шваркнуть ноутбук о стену.

Необходимо дать выход ярости. В голову пришла всего одна мысль: он позвонил Ламберу, командиру второй группы полицейской бригады по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

— Ламбер? Корсо.

— Все в порядке, дружок? — с издевкой поинтересовался тот. — Я думал, сотрудники уголовки ложатся спать в десять вечера.

— У вас сегодня ночью что-нибудь намечено?

— Тебе-то что? Ты из полиции, что ли?

— Я серьезно.

Полицейский кисло усмехнулся:

— Небольшой обыск где-то у черта на рогах.

— Что-то горяченькое?

— Братя Зарауи, браток. Мы три года этого ждали. По нашим сведениям, новейший комплекс, с лабораторией, гидравлическим прессом и *go fast* с пылу с жару.

— Сколько там?

— Сто килограмм смолы, столько же травы и целая упаковка еще не обработанного кокса.

Корсо восхищенно присвистнул. Он надеялся вписаться в мелкую операцию, чтобы встряхнуться, а тут вдруг такой масштаб.

— Где?

— Пикассо.

Квартал Пабло Пикассо в Нантере занимал первую строчку в списке наиболее неблагополучных зон. Уровень номер один по части угрозы и опасности.

— Я с вами.

— *Hola*, браток, это борьба с незаконным распространением наркотиков, а не летние танцы на лужайке!

— Я могу пригодиться. Я там вырос.

— Нашел чем хвастаться. Какого хрена ты вдруг туда заявишься?

— Я зол, просто руки чешутся.

— Тоже мне отдушина!

— Нет, я серьезно.

Неожиданно Ламбер заинтересовался:

— Проблемы с начальством?

— С моей бывшей. Я получил от ее адвоката первые искивые требования по нашему разводу.

Сыщик гоготнул, как индюк:

— Да уж, это тянет на форс-мажор. *Be my guest*¹.

4

Собственно говоря, квартала Пабло Пикассо не существовало. То, что называли этим именем, представляло собой жилой комплекс, расположенный на авеню Пабло Пикассо в Нантере. Фасады высоких круглых башен, созданных воображением архитектора Эмиля Айо, украшали мозаики, напоминающие облака, и окна

¹ Милости прошу (*англ.*).

в форме капель воды. Прекрасная мечта архитектора обернулась настоящим кошмаром нищеты и преступности.

Корсо жил там в подростковом возрасте и помнил мельчайшие детали окружающей обстановки: двери в вестибюлях, общих коридорах и на лестницах были покрашены в яркие цвета, а стены покрыты разноцветной штукатуркой. Стены в квартирах были закругленные, ковровое покрытие походило на коротко стриженный газон. Там было много пространства, много фантазии, и все это обитатели поспешно испортили, испачкали, разрушили. Им лишь бы кайф словить, а что да как — не важно...¹

Уже с Парижской окружной дороги в районе Дефанс Корсо различил вырисовывающиеся на фоне синего неба башни. 3:45. Он прибыл вовремя. Ламбер предупредил, что они начнут операцию в 4:00. Сотрудники отдела по борьбе с наркотиками получили разрешение на проведение ночного обыска.

Корсо съехал с Парижской окружной дороги и миновал череду деловых зданий: стекло, сталь, четкие линии — во времена его юности их еще не существовало. На первой же транспортной развязке он увидел, что представление уже началось. Свет мигалок вылизывал основания башен. Во тьме раздавались звуки выстрелов. Его на полной скорости обгоняли полицейские автомобили. Визжали шины.

Корсо установил мигалку на крышу своей машины и включил рацию. В грохоте и потрескивании прозвучал сигнал тревоги:

— Всем патрульным машинам: ранен полицейский!
Повторяю: всем патрульным машинам — ранен полицейский! Внимание всем постам! Ранен полицейский!

¹ В оригинале автор приводит цитату из поэмы Альфреда де Мюссе «Уста и чаша»: *Qu'importe le flacon, pourvu qu'on ait l'ivresse.* — Не важно из чего, нам надобно напиться.